

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕМА
В ПОЭМАХ НАБИ ХАЗРИ**

В статье рассматриваются поэмы Наби Хазри. Тематика и проблематика поэм очень разнообразна. Особое внимание уделяется поэме «Горы мои - горе мое». Поэма посвящена столетнему юбилею выдающегося азербайджанского поэта М.А.Сабира.

Ключевые слова: поэма, лирик, мастер, творчество, герой, сюжет, поэзия.

The article deals with the poem "Mountains are the wounds of mine" by Nabi Hazri.

Key words: poem, lyricist, artist, creativity, character, plot, poetry.

Поэмы Наби Хазри в азербайджанской поэзии 60—70-х годов XX века отличаются своими красками, своей оригинальностью и самобытностью. В органичной слитности и взаимосвязи с поэмами современников, они еще более обнаруживают свою особенную стать, которая обуславливается всегда личностью художника, его нравственным и социальным пристрастием к действительности. В поэмах его нагляднее всего проявляется созвучность поэта своему времени.

«Поэмы Наби Хазри написаны умелой, твердой рукой, наполнены ветром времени, населены запоминающимися персонажами, почти в каждой из них присутствует та необходимая доля событийности, без которой поэма не могла бы существовать...» [1].

Причастность к истории своего народа всегда предопределяет взволнованный интерес к истории других народов. Вот почему сердечной болью многих азербайджанских поэтов стали и муки испепеленной атомным взрывом Хиросимы, и растерзанной фашистами Лидицы, и трагедия героического Вьетнама. А вместе с тем еще более обжигающей стала судьба отцов и дедов, добывших Великую Победу в годы войны с гитлеровской Германией, спасших землю от фашизма.

Наби Хазри обратился к истории во имя исследования жизни народа, не исключая из понятия «история» и предания, и легенды, и сказания. История отныне — реальность, равновеликая современности. Да и сама современность не просто соизмеряется с историей, а предстает ее страницей, заполняющейся живым творчеством масс. Погибающий в битве за правое дело или на своем трудовом посту человек не умирает, он входит в историю. Современниками остаются по этой самой причине и те, кто словом своим приближал наш день, будь то Сабир или Насими, кто так же настойчив во всем, как и по сей день ждущая возвращения с войны мужа солдатка-вдова. Историческим деятелем предстает в его поэме «Город моей мечты» каменщик Мурад, не только строящий город на пустынном берегу Каспия, но и «создающий» самого себя.

И в этом вторжении в историю как в современность у поэта была могучая «точка опоры» — опыт Самеда Вургуня. «Два следа» из поэмы «Город моей судьбы» — то дань любви и преданности своим великим предшественникам Джафару Джабарлы и Самеду Вургуну. Наби Хазри подчеркивает гуманную особенность творчества С.Вургуня и

Дж. Джаббарлы тем, что включает их имя в почетный ряд великих мастеров слова истории и современников.

Наби Хазри не приемлет встречающегося у некоторых национальных художников взгляда на жизнь своего народа как на удобный материал для стилизации, для выделения на первый план этнографических особенностей. Если и есть в его стихах и поэмах предания старины, легенды из народного творчества (а именно на таком материале построена поэма «Сны-легенды», написанная поэтом в 1971) — 1973 годах), то он использует их, прежде всего для передачи осязаемого дыхания новизны жизни, для выявления народного характера в социальном и нравственном его содержании. Это оказывается возможным потому, что поэт не только обостренно чувствует современность, но и обладает удивительным свойством смотреть на нее глазами истории. Отсюда в его поэзии органичная связь сегодняшнего в жизни народа с тем, что им пройдено и прожито.

А поскольку это так, то Наби Хазри прежде всего обращается к тому кульминационному моменту в пережитом, где особо осязатима социально-нравственная доминанта испытаний. Наби Хазри, прежде всего, интересуется нравственный итог пережитого, обеспеченный социальной деятельностью героя, будь то трактористка Севиль, или великий поэт Сабир. Поэтому несомненный интерес представляет сам процесс овладения историческим фактом и его поэтической трансформации. Наиболее отчетливо художническая методология Наби Хазри в освоении истории проявлена в поэме «Горы мои — горе мое» и «Встреча в Халебе» (1978).

В каждой из поэм Наби Хазри обращается к вершинному, итоговому моменту в жизни великих предшественников - поэтов Насими («Встреча в Халебе») и Сабира («Горы мои - горе мое»). Причем вершинному, кульминационному не в биографии творчества, а в биографии души, когда последний жест этой души доказывает гражданскую высоту и человеческую глубину всего созданного каждым и оставленного людям в духовное наследие. Вот те идейно-эмоциональные опоры, на которых возводит поэт «здание» каждой из поэм, обращенных к реальным фактам жизни, реальных героев, то есть, к истории.

Мирза Алекпер Таирзаде Сабир вошел в историю Азербайджанского народа как яркий, самобытный и остросоциальный поэт. Выходец из семьи мелкого торговца, он с детских лет столкнулся с социальными контрастами капиталистической действительности, усугубленными в странах Востока феодально - патриархальной отсталостью. Решающую роль в формировании его сатирического дара сыграло сближение Сабира с сатирическим журналом «Молла Насреддин» где он дебютировал 1906 году.

Говоря о художественном своеобразии поэта М. Ариф Дадашзаде прежде всего подчеркивает истинный демократизм его поэзии, новаторство и глубокую традиционность. «Сабир,— пишет он,— создал новый стиль, важнейшей особенностью которого было сочетание лучших традиций народной поэзии и социальной сатиры. Его стихи были понятны всем, но при всей этой видимо, простоте они доносили до народных масс смысл самых сложных внутренних и международных проблем эпохи. В его стихах нашел отражение будничные жизненные факты, их героями стали люди из реальной повседневности. Сабира по величине таланта можно сравнить с такими великими мастерами, как Некрасов, Берс, Беранже, Маяковский» [3].

Сабир продолжал и развивал просветительские традиции М. Ф. Ахундова, но в новых условиях, и не было такого большого или малого вопроса общественного звучания, к которому он не высказал своего отношения, по поводу которого не выразил бы своих симпатий и антипатий.

Для Сабира поэзия была неотторжима от живого общения с людьми. Он часто беседовал с учащимися школы, где он преподавал. Школа находилась в одном из старых нефтепромысловых районов Баку. Сближение с нефтяниками усилило не только социальную сторону его сатиры, но и обеспечило ясностью и четкостью идеал его поэзии.

Он был певцом демократии, прогресса, свободы о чем открыто творил:

Когда я уйду — ты, что пела в крови.

Свобода, разлейся, как пламя зари!

Свобода великая, вечно гори!

Свобода-красавица, вечно живи! [4, с.96]

Близкий народу Сабир пользовался глубокой и верной взаимностью. Его знали по поводу, его любили. И вдруг горькая весть: Сабир тяжело заболел. Неужто пробил тот час, о котором он сказал так просто и естественно: «Когда я уйду»?

Вот уж несколько дней.

Как весь город в тревоге...

От толпы облаков

Горизонт побелел...

За окраины

Вдаль выбегают дороги:

—Говорят, что Сабир тяжело заболел! [4, с.93]

С этого момента начинается поэма Наби Хазри.

И эхом душевной боли, тревоги за жизнь поэта откликнулись на горькую весть и стар и млад, и реки и горы, и утро, и темная ночь. И кошунственной радостью отозвались богатеи: умирает их беспощадный и неподкупный судья - Сабир. Но голос горя заглушает жалкий лепет ждущих смерти поэта:

Братя,

При смерти тот.

Кто смеялся сквозь слезы,

Да поможет Сабиру-

Кто может,

Как брат!

Он лежит тяжело,

Как усталое море.

Он лежит,

Переполненный волнами слов.

Словно тенями гор,

Перечерченный горем.

Он лежит,

Словно небо во мгле облаков... [4, с.99]

Высокая нота скорби, найдя метафорические синонимы для выражения своей огромности, резко обрывается. Наби Хазри рисует картину происходящего на одной из дорог,

ведущих в Шемаху к больному Сабиру. По ней спешит худенький оборвыш. Он оказывается одним из учеников Сабира -Арзу, который спешит к своему родному учителю, подчиняясь наивной в своей великости вере спасти умирающего, купив ему лекарств на грош, составляющий все его богатство.

Дорога далека, но щедра на отзвук в горе душа труженика. Старик, держащий путь на арбе до Маразы, предлагает Арзу подвезти того, а оттуда до Шемахи рукой подать. Далее идет вставная главак «Мальчик вспоминает», в которой раскрывается удивительная душевная доброта Сабира, огромность его человеческого сердца - поистине вселенской любви к людям, где нашлось немало добрых слов, ласки на долю круглого сироты — Арзу.

Эта сцена, конечно же, придумана Наби Хазри. Но придумана в строгом соответствии с логикой исторического факта: Сабир был учителем, его провожали в последний путь не только знакомые и незнакомые люди, но и ученики. И вместе с тем эта сцена принципиально важна в художественной структуре поэмы. Воспоминания мальчика, его понимание Сабира несут в себе предельную искренность в оценке личности человека, потому как мальчику еще, может быть недоступно осознание величия поэтического, дарования своего учителя. Именно через воспоминания мальчика открыл Наби Хазри душу поэзии Сабира. Открыл, чтобы провести читателя в ночную Шемаху, в убогое жилище, где «во власти тяжкого недуга» лежал Сабир.

Изначальная метафоричность: «Он лежит тяжело, как усталое море», «переполненный волнами слов» оборачивается простой информацией о тяжком недуге. Но и она, простая констатация факта, уже не является для нас таковой, потому что несет в себе сокровенные, прозвучавшие из потрясенной души ребенка слова о доброте, щедрости и мудрости Сабира. Угасающий светильник разума и добра лежал в убогом жилище с горькой думой о прожитом и пережитом. И хочется ему узнать от друга, что он сделал и что оставит после себя в подлунном мире. И когда слышит, что к нему сейчас прикован душой весь мир, что он останется навечно в памяти народной, сам Сабир восстанавливает штрихами, деталями пройденный путь, переводя высокие слова друга о себе в обычные житейские. В этом контрастном звучании высокого штиля и разговорного острее проступает душевное смятение поэта, сожаление о том, что многое еще недоделано, не дописано и недосказано. В означенном контрасте естественнее и обнаженнее открывается большой мир великого поэта. И неожиданно человеческое чувство, согретое высокой правдой испытанного и пережитого Сабиром, охватывает своим трепетом, теплом и искренностью самые высокие понятия.

Творческое кредо Сабира - принимать родину не только чисто географически, но и духовно, не ограничивать ее пределами села, области, республики. Поэтому азербайджанскому поэту близки и понятны заботы, чувства, мысли всего человечества.

Цельность характера, верность своим гражданским убеждениям - это то, из чего складывается самобытность художника в русле традиций азербайджанской литературы, где особым светом и по сей день светят традиции великого Сабира, который был «счастливый человек», нашедший счастье свое в служении народу, в утверждении чувства братства людей вопреки порожденному и насажденному мраком тысячелетий злобы закону «кровной мести».

Именно так прочитывается глава поэмы «Именем Сабира».

Старик, не сумевший пристроить на «попутку» уставшего мальчика, решает отвезти его до Шемахи, хотя знает, что в горах скрывается его кровный враг. Но он не посмеет ничего плохого сделать Арзу. И когда встреча произошла, когда беглец – «кровник» предлагает старику пистолет, чтобы стреляться с ним, проявляя, а точнее, демонстрируя перед другими беглецами свое «благородство», Арзу бросается к безумцам:

Не надо!
Что вы делаете...
Мы
К Сабиру едем,
Мой учитель болен!
«Сабир?»
Сабир?» -
Откликнулись холмы.
«Сабир!»
Сабир!» -

Зашелестело поле. [4, с.116]

Торжество человечности, победа высокой поэзии над низменностью зла подчеркивает необратимость процесса преобразования мира, свободу и счастье. Вот откуда светлота оптимизма поэмы, посвященной кончине славного сына Азербайджана.

И в качестве подтверждения необратимости гуманизма поэт выбирает традиционный мотив душевного жеста – усыновления сироты стариком.

Но счастья, цену его обретения нельзя постичь, забывая о горе, о невосполнимых утратах на крутом пути к свету, к свободе, к которым звал и зовет голос Сабира, звучащий и ныне в горах Азербайджана. Эхо голоса народного поэта слышит вся земля.

Для Наби Хазри в этом «эхе» слышится завет Сабира о том, что только в разделенности судьбы поэта с судьбой народной рождается истинная поэзия, у которой не будет конца, как нет его и у самой жизни.

История тем самым в творчестве Наби Хазри – это не только факты, явления, события прошлого, а прежде всего нравственный урок, предельное обострение чувства своей сопричастности к прошлому страны и еще более к дню сегодняшнему, устремленному в будущее. Со всей открытостью и откровенностью такое постижение истории проявляется в моменты прямого контакта сердца поэта с горечью утрат, ценой которых приближено и осуществлено настоящее. На таком сердечном «контакте» возникает поэма «Встреча в Халебе».

Наби Хазри, побывав в Сирии, оказался в Халебе на могиле великого соотечественника.

Я пришел поклониться
Любви твоей
и Судьбе,
Перед болью твоею,
Пришел я склониться.
На мгновенье одно лишь
Пришел я к тебе,
Но века в нем сумели
Смешаться и слиться... [4, с.216]

Так начинается поэма, начинается скорбным монологом пришедшего на свидание с вечной памятью, обозначенной островком могильного холмика на чужой земле.

Может быть,

Твоей звездной рожденный мечтой,

Я, как свет отраженный,

Пришел...

Ждут тебя

И вершина, и дол,

Шесть веков,

Шесть веков ты с отчизной в разлуке...

На поклон

К Насими

Я пришел! [4, с.116]

Память и день нынешний, «смешение и сплетение» веков и «свет отраженный» в своем соприкосновении и в невозможности слиться составляют внутренний нерв драматизма поэмы, эмоциональный стержень ее движения. И в этом эмоциональном движении явственнее проступают непрменные для Наби Хазри нравственные уроки истории, преподанные жизнями тех, наследником и продолжателем дела которых ощущает себя поэт.

Вот почему созвучными моральному кодексу его души звучат слова далекого и близкого Насими, какие услышал благодарным сердцем современник, о подлинности и подлости в служении литературе.

Насими презирал тех, которые «войти народу в душу не способны, в карман его умеют ловко лезть».

Так скорбный монолог перерастает свою тональность, в него вторгается жизненная стихия нравственного урока Насими, выливаясь в мощную декларацию сердца поэта.

- Мой сын,

У этих

Скоротечен век,

Не солнце

их сияние,

а- снег.

Растает снег

В круговороте года...

Не может быть поэта

Без народа!

Его рождают

Время и земля,

Не вместится он

В собственное «я».

Лишь с миром связь –

Залог его успеха,

Нет века без стихов,

Стихов без века!

Живущий

Не для века своего
Не остается
В памяти его [4, с.217].

Произведения Наби Хазри учат. Учат понимать красоту человека и природы, ценить и беречь благородные чувства и чистоту отношений между людьми, осознавать собственную причастность к чужому горю и утверждать огромную роль человека в жизни. Учат без нарочитой дидактики, а прежде всего нравственным примером личности, которая росла, мужала, совершенствовалась в чувствах вместе с движением поэтического таланта Наби Хазри к высотам его достижений.

Поэмы Наби Хазри при всем своем идейном и эмоциональном созвучии с Азербайджанской поэмой сохраняют свою неповторимость, особую красочность и оригинальность. Пройдут годы, это творчество всегда останется близка, понятна и любима каждому азербайджанцу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев С. Две ветви одного дерева. Литературная газета, 1973, 7 февраля
2. Набиев Б. Вера, ставшая великой правдой. Литературный Азербайджан, 1983, № 8, с.115 - 117
3. Дадашзаде М.А. Поэт и тревоги мира. Бакинский рабочий, 1988, 16 июля, с.3.
4. Наби Хазри Когда смотришь на завтра. Баку, Язычы, 1986, 249 с.

УДК 811.112.2'25

*Цыганкова З.Н.
(Киев, Украина)*

О ПЕРЕВОДЕ ЛЕКСИКИ РОМАНОВ ЖАНРА «ЧИКЛИТ» (на материале романа К. Бушнелл «Пятая авеню, дом один»)

Стаття присвячена перекладацькому аналізу певних лексичних підгруп, зокрема неологізмів, окказіоналізмів, запозичень, обценної лексики в американському романі та його перекладі російською мовою. Певна увага приділяється гендерному аспектові перекладу.

Ключові слова: *неологізм, окказіоналізм, запозичення, інвективна лексика, переклад, гендер.*

Статья посвящена переводческому анализу определенных лексических подгрупп, в частности неологизмов, окказионализмов, заимствований, обценной лексики в американском романе и его переводе на русский язык. Доля внимания также акцентируется на гендерном аспекте перевода.

Ключевые слова: *неологизм, окказионализм, заимствование, обценная лексика, перевод, гендер.*

This article is devoted to the analysis of translation approaches to some lexical groups such as neologisms, nonce words, borrowings, obscene words in an American novel and its Russian translation. We also pay some attention to the generic aspect of translation.

Key words: *neologism, nonce word, borrowing, obscene words, translation, gender.*